

В США за роли эпизодического плана присуждают «Оскаров». И правильно делают. Блеснуть в крошечной сценке под силу лишь таланту.

...Когда во время очередного показа «Служебного романа» на телеэкране появляется ураганного темперамента общественница (которую когда-то выдвинули, а «задвинуть» никак не могут), зритель неизменно оживляется. Он помнит наизусть все ее реплики и интонации; он знает наперед: вот сейчас она начнет собирать рубли на венок благополучно здравствующему товарищу Бубликову, — и все же смотрит, как в первый раз.

Незаурядный сатирический дар народной артистки России Людмилы Ивановой, как правило, затмевал для массового зрителя другой ее дар — песенный. Почитатели авторской песни, расцвет которой пришелся на недолгую «оттепель» шестидесятых, хорошо знакомы с творчеством бардов — Людмилы Ивановой и ее мужа Валерия Милаева. Их песни звучали повсюду: в туристических походах, у костров, на студенческих вечеринках. И, наконец, на профессиональной эстраде, где их исполняли «звезды»: Гелена Великанова и Майя Кристалинская, Елена Камбуrowa и Анна Герман. Это увлечение живо до сих пор, однако по-прежнему главное в его жизни — наука, в ее — театр.

ЛЮБИТЕ ТО, ЧТО ВСЕГДА ЛЮБИЛИ

Москвичка. — 1995. — авг. (№ 28). — С. 8

— Людмила Ивановна, считаете ли вы свою актерскую судьбу счастливой?

— Можно сказать, да. Было много ролей в театре и кино, посчастливилось играть с замечательными партнерами. В одном только «Служебном романе» блистательная команда: Басилашвили, Мягков, Фрейдлих, Ахеджакова. Да и сама по себе работа с Рязановым — счастье. Я четырежды снималась с народным артистом СССР Андреем Поповым. Наконец, мне выпало счастье строить мой любимый театр «Современник», где я работаю с 1957 года по сей день.

Видите, сколько раз я сказала слово «счастье»! К тому же я бываю счастлива и маленькими ролями, лишь бы в них можно было сыграть судьбу. Вот в фильме «Свадьба как свадьба» мне досталась роль бабушки, которая на балконе объясняется со своим стариком. Тот: «Мы хорошую жизнь прожили, правда? Дети у нас, внуки. А ведь ты, когда за меня выходила, Гришку любила». Она: «Да, я любила Гришку». Он: «Ну, теперь это уж все равно». Она (с таким молодым отчаянием, заливаясь слезами): «Да, теперь это уже все равно!» Вот и вся роль, в которой мне хотелось выразить женскую неистраченность.

Вообще, знаете, что я всегда пытаюсь показать? Превращение женщины из «лягушки в царевну», тот удивительный момент, когда под влиянием обстоятельств она вдруг становится необыкновенно красивой, доброй, талантливой.

Очень люблю играть деревенских женщин, тех, кто близок к земле. В «Острове Серафимы» я была лесничихой. Обитала на хуторе (фильм снимался в одном из литовских заповедников), сама запрягала лошадей, поутру шла с ружьем на озеро. Дивные дни. Это туманное озеро, лебеди, разнотравье... По сюжету я опекала неприкаянного ученого, носила ему молоко, уговаривала его городскую жену не бросать такого человека. Но она все-таки бросила.

— Это роли лирические, а кого из героинь сатирического плана вы больше всего любите?

— Наверное, все-таки Шурочку из «Служебного романа». Между прочим, ее именем меня нередко называют на улице до сих пор.

— Я застала те времена, когда актеры, снявшиеся в популярном фильме, становились героями дня. И даже всенародными любимцами. Сегодня любимцев мы все чаще видим занятыми в рекламах. Кстати, как вы относитесь к этому явлению?

— Что делать, надо как-то существовать. Кормить семью.

— Одна моя, пожалуй, самая жизнерадостная в прошлом подруга уже который месяц говорит по телефону бесцветным, лишенным модуляций голосом. Будто в ней рухнул внутренний стержень. Хроническую угнетенность духа наблюдаю и у других. А вам в наступившей жизни тоже дискомфортно?

— Конечно, на душе очень тревожно. С утра у меня что-то дрожит внутри: прокормлю ли семью, сумеем ли мы с мужем помочь нашим студентам (в семье их в этом году было трое)? Но потом говорю себе: нельзя опускать руки, нельзя унывать (тем более что я — человек верующий). Главное для меня — быть нужной, полезной, хотя кому-нибудь это, возможно, покажется смешным.

— Есть ли что-то такое, что вас особенно поддерживает во всех испытаниях?

— Работа с молодыми актерами в театре «Экспромт», над ролями, концертной прог-

раммой. Этот детский музыкальный театр мы, несколько энтузиастов (режиссер-постановщик Жанна Тертерян, композитор Виктор Фридман, я — художественный руководитель, Валерий Милаев — как автор, директор Юрий Архипов и, конечно же, актеры), создали пять лет назад. Начало ему положил наш мюзикл «Колесо Фортуны», поставленный по «Доходному месту» Островского. Театр обращен к детям как к самой жизнеспособной силе в обществе и ориентируется на идеалы, которые хотелось бы им привить.

— На какое место среди непреходящих ценностей вы ставите семью?

— На первое. Правда, появилась когорта деловых женщин, не желающих обременять себя семейными узами. Они считают, что одной легче сделать карьеру. Мне трудно судить, лично я глубоко семейный человек.

Мы с мужем вместе 33 года. Вырастили двоих сыновей. Обожаю кормить моих мужчин. Вот сейчас варю большую кастрюлю супа (самая доступная сегодня еда), а к вечеру глядишь — пустая. А летом в деревне под Тарусой у нас вообще собирается человек 10—12. Тогда суп приходится варить в кастрюле-ведре.

— Что для вас Таруса?

— Дивная природа на берегах Оки. Это ведь русский Барбизон. Каждое лето здесь собираются художники, проводят выставки в местной картинной галерее. У меня у самой сын — художник. Иван Милаев.

И, разумеется, Таруса — это Цветаевы. Марина Цветаева. Ее сестра Анастасия, с ней я познакомилась незадолго до ее смерти. Очень деликатная, скромная. Помню, вышла ко мне в поношенной шерстяной кофточке, где все пуговицы были разные... Рассказывала о старой гувернантке, которую сестры называли Тьо, и о многом еще. Потом попросила прочитать вслух ее стихи, опубликованные в «Цветаевском вестнике». Расставаясь, подарила мне эту газету, написав на ней: «Храни Вас Бог...»

В этом году мы с совсем молодой актрисой театра «Экспромт» Инной Разумихиной подготовили программу «Серебряный век», где я читала прозу Цветаевой, а она пела песни на стихи Марины Ивановны. Мне кажется, сейчас зрителям, как никогда, нужна классика, хорошие стихи. Необходимо продолжать любить то, что всегда любили. И если человека, например, радовали «Вечера на хуторе близ Диканьки», то почему бы ему не раскрыть забытый им томик Гоголя?

— Кто были ваши учителя в искусстве?

— Начну со школы. Учительница литературы Галина Александровна Половинкина, воспитавшая наши души, если можно так сказать. И в институте у меня были прекрасные педагоги, большие артисты — Топорков, Пилевская и самый мой любимый учитель. Николай Иванович Дорохин. Он заменил мне отца. Он уже давно умер, но все, кто его знал, о нем помнят. Недавно отмечали его 90-летие в музее Станиславского, и так пахло былым. Собралось несколько однокурсников, сидели, вспоминали. Я даже песню сочинила: «Николай Угодник, на тебя надеюсь, нашего Николу не забудешь ты. Был у нас Учитель Николай Иваныч, море обаяния, море доброты».

А на прощание Людмила Ивановна пригласила меня в «Современник» на свой любимый спектакль «Три сестры», где она играет 82-летнюю няню. Между прочим, без грима: главное — выражение глаз.

— Прихожу на спектакль заранее, посижу, вспомню; кто меня обидел, какие тяжелые сумки несла, как ноги болят. Потом платочек надену, подойду к зеркалу — 82...

Беседу вела Лариса Ровнянская